

**МАКСИМ
ШАРАПОВ**

ДИПЛОМАТ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Максим Шарапов

Дипломат

«Автор»

2017

Шарапов М.

Дипломат / М. Шарапов — «Автор», 2017

В одной из стран арабского мира происходит военный переворот, в центре которого оказывается российская дипломатическая миссия. Переговоры с повстанцами об эвакуации дипломатов, их жен и детей заходят в тупик. Для спасения сотрудников посольства существует только силовой вариант, но ситуация развивается так стремительно, что спецподразделения не успеют. Остается только многоходовая психологическая комбинация, которая может дать шанс на спасение. И на нее у дипломатов есть всего несколько часов. Для оформления обложки использована картина худ. И. Поцелуевой. Содержит нецензурную брань.

© Шарапов М., 2017

© Автор, 2017

Максим Шарапов

Дипломат

– Спасибо, Ирфан, – седой мужчина лет шестидесяти пожал руку невысокому смуглому арабу, – твоя информация может спасти нам жизнь.

– Я знаю, Евгений Алексеевич, – под черными усами мелькнула улыбка, – я уверен, всё еще не раз переменится, как часто бывает у нас на востоке...

– И тогда услуга, оказанная русскому послу... – продолжил за него собеседник. – Ирфан, ты не просто политик, ты – философ!

Похвала разъела пленку надменности в глазах восточного человека, и впрыснула родственную ей сладость собственного превосходства:

– Евгений Алексеевич, мы же оба понимаем, что вся эта уличная суета, – он кивнул за окно, – только инструмент в руках умных людей. Она схлынет и опять придет время спокойно и выгодно договариваться. Или вы не согласны? – он взглянул на задумавшегося посла.

– Согласен, – произнес посол и потер левой рукой свои крупные, начинающие обвисать щеки, – но, когда попадаешь во власть этой, как ты говоришь, уличной суеты... Знаешь, когда человек захлебывается в штормовых волнах, ему сложно размышлять, что волны возникают не сами по себе, что их приводит в движение и земное притяжение, и луна. Они просто отнимут сейчас последний воздух и всё.

– А вы тоже философ! – засмеялся Ирфан, – только очень уж грустный. У вас еще есть время на хороший глоток воздуха.

– Ты прав, – Евгений Алексеевич шумно выдохнул, – и это время нам нельзя потерять.

– Конечно. Я уже ухожу.

Посол открыл первую массивную дверь своего кабинета и взялся за ручку второй:

– А настоящий философ, Ирфан, – он посмотрел гостю прямо в лицо, – и не может быть веселым.

– Почему?

– Потому что ничего веселого там, где бродят его мысли, просто нет, – Евгений Алексеевич толкнул вторую дверь и, прихрамывая на левую ногу, вышел в приемную своего кабинета:

– Андрей Вадимович, – ему навстречу поднялся коротко стриженный мужчина, – выведите нашего друга в город на своей машине. Только аккуратно.

– Конечно, Евгений Алексеевич, – ответил тот, – как обычно.

Ирфан пожал руку послу:

– И все-таки мы будем ждать вашего возвращения.

Они попрощались.

– Света, – посол посмотрел на секретаршу, следившую за каждым движением своего начальника, – собери всех в зале. Минут через двадцать. А пока соедини меня с Москвой и срочно позови ко мне Игнатова.

– Всех собирать?

– Да, всех. Нет, – он мотнул головой, – пусть кто-нибудь из мужчин понаблюдает за улицей.

Через некоторое время все люди, находящиеся на территории русской дипломатической миссии в северной африканской стране, начали собираться в самом большом помещении посольства. Дипломаты, их жены, несколько водителей, повар и консьержка, задержавшиеся в стране представитель российского оборонного предприятия и его помощник и трое детей, двое мальчишек, ровесников лет тринадцати и семилетняя девочка. Не пришел только сотрудник,

который по просьбе посла остался наблюдать за движением снаружи. Последним в зал вошел Евгений Алексеевич.

Пока, двигая стульями, рассаживались, к послу подошла женщина:

– Женя, совсем плохо?

– Да, Зоя, плохо. Наши не успеют нас отсюда вытащить и выбираться придется самим. Ты садись, я сейчас все расскажу.

Посол остался стоять.

– Товарищи, – чуть закашлялся, – думаю, подробные рассуждения о том, что и по каким причинам происходит вокруг нас в этой аудитории ни к чему. Напряжение в стране чувствовалось давно, людей в разные стороны растаскивали и внутренние, и внешние факторы, и мы это прекрасно понимали. Но рвануло все очень резко и слишком уж организовано. Не бывают стихийные бунты такими логичными и в деталях выверенными. Поэтому сразу перейду к тому, что нам всем предстоит. За два дня повстанцы взяли под контроль две трети страны и половину столицы, и, что самое для нас плохое, все аэропорты. И ни нам, ни Москве не удается договориться с ними о нашей эвакуации, а час назад стало понятно почему.

– Мама, я писать хочу! – сообщила вдруг на весь зал маленькая девочка.

– Настя, потерпи, – зашипела на нее застеснявшаяся мать.

– Мария Андреевна, – улыбнулся посол, – да, отведите вы ребенка в туалет. Писать даже на войне необходимо.

Женщина с девочкой пробралась между стульев и вышли из зала.

– Еще и дети с нами, – посол покачал головой, – съездили в отпуск к родителям, называется. Ладно, продолжим. Аэропорты закрыты и для наших самолетов их не откроют, потому что мы с вами задуманы как жертвоприношение. – Он замолчал и обвел зал мутными пожившими уже глазами. – Сильно я бы этому не удивлялся, мы и сами часть серьезной игры и не только светские рауты наша работа.

Зал раздула упругая тишина и где-то вдалеке стали слышны звуки выстрелов.

– Я умышленно говорю это при всех, – он посмотрел на мальчишек, – каждый должен понимать, что нам предстоит. А Настя, которая к нам сейчас вернется... Пусть для нее это будет просто игрой.

– Евгений Алексеевич, подробности известны? – спросил один из мужчин.

– Ты о том, как нас будут убивать? Не знаю. Но сегодня ночью, когда большая часть города окажется в их руках, на посольство случайно, – он неопределенно махнул в воздухе правой рукой, – нападет группа мародеров. Их задача не просто разграбить тут все, но и показательно пролить кровь.

– Как же так, – негромко сказал повар, – мы же все-таки дипломаты.

Один из мальчишек хмыкнул в заднем ряду.

– Я имею ввиду дипломатическая миссия у нас, неприкосновенность и все такое, – поправился повар. – Скандал же будет большой.

– А они, Петя, нас дипломатов отпустят, а тебя съедят! – сидевший рядом с поваром пресс-атташе посольства ткнул соседа в мясной бок и тот вздрогнул как от электрошока.

Вокруг засмеялись и вялые щеки посла тоже тряхнула улыбка.

– Грибоедова тоже убили! – выкрикнул с полудетской гордостью мальчишка, хмыкавший над поваром.

В зале опять раздался смех, а повар обернулся и недобро посмотрел на эрудированного малолетку.

– Раз смеемся, значит страх наши мозги еще не разъел, – проговорил посол. – И это неплохо. Пётр Трофимович, – посол обратился к повару, – не переживайте, они не будут разбираться, кто тут имеет дипломатическую неприкосновенность, а кто нет. А что касается громкого скандала, так его и добиваются. Показать России, кто хозяин в арабском мире, а заодно

наших союзников запугать. Если с русскими дипломатами можно так поступить, то с вами мы вообще церемониться не будем. Показательная история и на мятежный хаос списать можно всё. Кто-то поверит в спектакль, но те, кому это послание адресовано – они поймут. Конечно, это срыв наших отношений с Западом в пике, но симметрично отвечать мы не будем, и это сейчас, видимо, устраивает.

– Евгений Алексеевич, – одна из женщин встала со своего места, – вы так спокойно обо всем этом говорите, смеетесь, как будто все это не по-настоящему. А между прочим, смеркается уже и скоро стемнеет, а вы сказали ночью... И что тогда?

– Тогда и начнем действовать, – интонации в голосе посла огрубели, – а спокоен я, Елена Олеговна, потому что, во-первых, дипломат своих эмоций никогда показывать не должен, а, во-вторых, я знаю, что делать.

Головы людей в зале почти одновременно шевельнулись.

– Вы помните, наверное, что зданию нашему больше ста лет. Когда в середине двадцатого века здесь открывали еще советское посольство, дом этот подробно изучили и нашли подземный ход. Кто его рыл и зачем не поняли, да и не старались, я думаю, но и замуравывать не стали. Решили вдруг пригодится, – посол ладонью потер прикрытые веками глаза. – И не ошиблись, к сожалению. Информация эта передавалась только от посла к послу, чтобы не было утечек. И я бы вам ничего не сказал, если бы не особая ситуация. Тоннель ведет метров за сто пятьдесят и выныривает в тупиковом дворе на параллельной улице. Выход замаскирован под обычный канализационный люк, который, правда, снаружи открыть нельзя. Но здесь этим жизнь себе не сильно усложняют. Игнатов сегодня по этой подземной тропинке прогулялся, там все в порядке, даже электричество есть. Это, видимо, наши уже постарались.

– Там очень комфортно и сухо, – добавил Иван Николаевич, – и можно спокойно передвигаться во весь рост.

– А крысы там есть?! – визгливо спросила Елена Олеговна.

Иван Николаевич хотел ответить, что кроме вас, Елена Олеговна, не будет, но вовремя перешел на дипломатический язык.

– Я пока не заметил, Елена Олеговна, – и не удержался все-таки, – но могут и появиться.

– Это кошмар! – Елена Олеговна вскинула руки выше свой замысловатой прически.

Несколько голосов одновременно попросили Елену Олеговну прекратить! И она прекратила.

Посол молча досмотрел эту сцену:

– Через два часа, – Евгений Алексеевич переменял ногу, – как раз, когда стемнеет, наши местные друзья подгонят к выходу из тоннеля микроавтобус и внедорожник. Места будет мало, ну, придется нам потесниться. Аэропорты, как я уже сказал, для нас закрыты, но совсем недалеко Средиземное море... – посол сделал паузу и посмотрел на своих подчиненных. – Правильно! – уловил продолжение своей мысли на некоторых лицах, – а там постоянно дежурят наши военные корабли. Полчаса назад я говорил с Москвой, один эсминец уже направляется к нашему побережью. Ближе он не подойдет, конечно, но они спустят небольшой катер, и он заберет нас в условленном месте. Это если коротко. Поэтому, – он перебил чей-то вопрос, – разговоры заканчиваем. Через час собираемся у меня в кабинете, лаз начинается именно там. С собой только документы, одежду, воду, бутерброды какие-нибудь. Дипломатов попрошу остаться, остальным собираться.

Люди задвигали стульями, кто-то вполголоса заговорил. Через несколько минут рядом с послом осталось только одиннадцать человек.

– А вы что сидите? – Евгений Алексеевич взглянул на мальчишек, тоже оставшихся в зале.

– А мы уже взрослые, – ответил один из них.

– Взрослые, – неожиданно согласился посол, – а сегодня, наверное, еще больше повзрослеете. Но я попросил остаться не всех мужчин, а только дипломатов. А вам еще предстоит помогать женщинам, когда будем прорываться к побережью.

Мальчишки по-прежнему сидели, вжавшись в свои стулья.

– Антон, – повернулся к мальчикам один из мужчин, – идите, времени в обрез.

Мальчишки поднялись и понуро вышли из зала. Посол дождался пока за ними закрылась дверь:

– Хороший сын у тебя растет, Павел. Мне искренне жаль, что твоя жена и Антон с Настей не успели уехать.

Павел Васильевич покачал головой.

– Но мы постараемся всех спасти, – посол глазами встретился с Павлом и обоим стало понятно, что они не очень верят в эту чудесную возможность.

– Коллеги, – посол разбросал взгляд по лицам сидевших перед ним мужчин, – план, который я сейчас так спокойно и уверенно излагал, на самом деле полная авантюра. Прорваться к морю без всякого прикрытия, – он подвигал ртом, – шансов немного.

– У нас ведь оружие есть в посольстве, – сказал Иван Николаевич.

– Да, есть кое-что, – согласился посол, – но большинство из нас люди гражданские, с нами женщины, дети и придут за нами профессионалы. К тому же оружие в наших руках, это лишний повод сказать, что стреляли не в безоружных дипломатов. В этой ситуации рассчитывать, что мы дадим какой-то серьезный отпор просто мальчишество. Я, мужики, – посол взял свободный стул и сел рядом с остальными, – надеюсь на другое. Не вся страна еще в руках путчистов, и приморская часть как раз в меньшей степени, и карта боев очень рваная, как почти всегда при гражданской войне. Люди, которые нам будут помогать, хорошо знают свою местность и постараются вывезти нас еще не захваченными дорогами. Это длиннее, конечно, зато надежнее. – Он помолчал. – И для этого нам нужно десять часов. Десять часов надежды, что за нами не будет погони, надежды, что те, кто придут убивать нас в посольстве не сразу поймут логику нашего бегства и не смогут моментально перегруппировать свои силы, чтобы перехватить нас по дороге.

Евгений Алексеевич опять замолчал и смотрел куда-то в сторону окна. Он молчал уже секунд пятнадцать, почти бесконечно в таком разговоре, но никто не решался спугнуть эту тишину. Все чувствовали, что посол настраивается на какую-то особенную мысль, страшную и жестокую, и поэтому не спешит с ней расставаться, понимая, что высказанная, она изменит все вокруг.

– Нам нужен человек, который отвлечет на себя наших убийц, – мысль превратилась в слова, которые проникли в сознание слушавших его людей. – Я уверен, если мы этот отвлекающий маневр не предпримем, никаких шансов спастись у нас не будет. А так они появляются, небольшие, но все-таки.

Проникшая в сознание людей чужая мысль начала жить своей, не подчиняющейся человеческой воле жизнью, и размножалась с безумной скоростью, как планктон в океане.

Размножалась эта мысль у каждого по-разному. Пресс-атташе подумал вдруг, что и повар, и водители и застрявшие здесь оборонщики, они тоже мужики. И ему стало противно от этой излишне самостоятельной мысли, а потом очень приятно, что он её не произнес. А еще он тихонько обрадовался, надеясь, что на него выбор вряд ли падет, потому что по природе своей был очень subtilen. «Соплей перешибить можно», говорила за его спиной Елена Олеговна и эта бесившая его комплексы фраза, на которую он никогда не мог ответить, потому что лично ни разу не слышал, теперь делала его душу смелее.

Но в каких бы направлениях не разбегались мысли оставшихся с послом людей, все они понимали, что сейчас, всего за несколько минут, им предстоит выбрать и отправить на

смерть сидевшего рядом человека, своего коллегу, с которым еще вчера могли играть в русский бильярд в подвале посольства или пить местное вино в соседнем баре.

Пресс-атташе взглянул на посла:

– А что должен делать этот человек?

– Я думаю, – посол не смотрел на пресс-атташе, – он должен как можно дольше поддерживать видимость нашего присутствия в посольстве: яркие открытые окна, музыка, заведенные машины с зажженными фарами во дворе. Может быть, говорить что-то невидимым собеседникам, громко хлопнуть дверцей автомобиля. Что-то такое, напоминающее реальную жизнь. Вряд ли они сходу в посольство сунутся, им тоже нужно присмотреться, а, значит, мы выиграем некоторое время. А потом... Потом он попробует сесть за руль нашего посольского автобуса с тонированными стеклами и попытается вырваться в город. И тогда, если они решат, что в посольстве есть еще люди, наверное, могут автобус и отпустить. Посол дернул правой рукой, из-под белого манжета с яркой синей запонкой, показались часы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.